

ЖИВАЯ СТАРИНА

Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре

СОДЕРЖАНИЕ

СНЫ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

- А. А. Лазарева. В поисках формулы неуловимого: как систематизировать рассказы о снах? 2
- В. А. Кишкина, О. В. Мецзякова, Е. А. Краснова. Материалы для сюжетно-мотивного указателя рассказов о снах 5
- О. В. Мецзякова. «Этот мужчина стал превращаться в чёрта»: образы сновидений, предвещающие опасность 6
- Е. А. Краснова. «Будто кусты малины её голосом говорят»: образы умерших в фольклорных рассказах о снах 9
- С. С. Ковалевская. Обряд «крещения за умерших» у членов Церкви Иисуса Христа Святых последних дней и связанные с ним сновидения 10

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР: ТАМБОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

- Г. С. Махрачев, Т. В. Махрачева. «На Николу сеют просу...»: дни Николая Угодника в народном календаре Тамбовской области 12
- Т. В. Махрачева, М. А. Шлыкова. Иван Купала в Тамбовской области 16
- Е. Ю. Блинова, Д. Н. Лоскутова. «Чемер» в мифологических представлениях и медицинской практике тамбовских крестьян 19
- К. С. Беляева, Я. В. Манака. Дуб в поверьях, приметах, обрядах, представлениях тамбовских крестьян 23
- Д. Н. Лоскутова. Испуг в традиционных представлениях крестьян Тамбовской области 27

ФОЛЬКЛОРИСТИКА В НАУЧНЫХ ЦЕНТРАХ: ЦЕНТР УСТНОЙ ИСТОРИИ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

- В. А. Лобач. Этнографические исследования в Полоцком государственном университете: опыт, итоги, перспективы 32
- А. И. Корсак. События Великой Отечественной войны в устной истории Белорусского Подвинья 34
- В. Е. Овсейчик. Этнические группы северной Беларуси в представлениях белорусского населения 37
- Е. В. Сумко. Культура жизнеобеспечения послевоенной белорусской деревни (по материалам устной истории Витебщины) 41

ВЫСТАВКИ

- Е. Л. Мадлевская, А. Б. Островский. Выставка Российского этнографического музея «В лесах и на горах: быт старообрядцев Поволжья» 45

ЭКСПЕДИЦИИ

- К. А. Федосова. Названия ветров в русских селах Бурятии 50
- Г. П. Пилипенко, М. В. Ясинская. Традиционное ткачество в Малоритском районе Брестской области 53

ПАМЯТИ УЧЕНЫХ

- Т. Г. Иванова. Джеймс Бейли (1929–2020) 57

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

- С. М. Толстая. Свод материалов по полесской народной демонологии 58
- Е. Бальзамо. Энциклопедия этиологических сюжетов восточнославянского фольклора 60
- М. В. Строганов. Фольклор в рукописях первой трети XX в. 61
- О. В. Трефилова. Новая литература по фольклору, этнографии, этнолингвистике 64

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

- А. А. Лазарева. Конференция «Антропология сновидений» 65
- О. Б. Христофорова. О демонах старых и новых: конференция «Демонология как семиотическая система» 67
- М. В. Ясинская. Содержание журнала «Живая старина» за 2020 г. 71

Издание осуществлено при поддержке
Министерства культуры Российской
Федерации

Проект реализован при финансовой
поддержке ООГО «Российский фонд
культуры»

РОССИЙСКИЙ
ФОНД КУЛЬТУРЫ

Главный редактор

О. В. Белова, доктор филол. наук;
Институт славяноведения РАН

Редколлегия:

С. В. Алпатов, доктор филол. наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

М. В. Ахметова (зам. главного редактора), канд. филол. наук, Государственный Российский Дом народного творчества им. В. Д. Поленова

Д. А. Баранов, канд. ист. наук, Российский этнографический музей

Л. Н. Виноградова, доктор филол. наук, Институт славяноведения РАН

Е. А. Дорохова, канд. искусствоведения, Государственный Российский Дом народного творчества им. В. Д. Поленова

М. А. Енговатова, канд. искусствоведения, профессор, Российская академия музыки им. Гнесиных

А. Б. Мороз, доктор филол. наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

С. Ю. Неклюдов, доктор филол. наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет

В. Я. Петрухин, доктор ист. наук, профессор, Институт славяноведения РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

И. А. Разумова, доктор ист. наук, Центр гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

С. М. Толстая, академик РАН, Институт славяноведения РАН

народоведения стало издание в 1995–2020 гг. более 250 научных статей в отечественных и зарубежных изданиях (см.: [14]). Результаты исследований были апробированы более чем на 80 международных и республиканских научных конференциях. Основной корпус опубликованных полевых материалов, а также ключевые работы сотрудников университета, посвященные этнокультурным особенностям Белорусского Подвинья, находятся в открытом доступе репозитория библиотеки ПГУ², что позволяет исследователям использовать их без всяких ограничений.

Большую значимость для оптимизации полевых исследований и теоретического осмысления их итогов имеет активное сотрудничество ученых Полоцкого университета с отечественными специалистами (Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, кафедра этнологии, музеологии и истории искусств Белорусского государственного университета) и исследователями из зарубежных стран. Пограничный статус региона обусловил тесные профессиональные контакты с профильными специалистами Псковского и Смоленского государственных университетов, Института славяноведения РАН, Эстонского литературного музея (Тарту) и Даугавпилсского университета (Латвия). Сотрудничество в международной сфере успешно реализуется в рамках совместных научных проектов по исследованию культурного ландшафта этнического пограничья.

Закономерным этапом в развитии регионального народоведения в Полоцком государственном университете стало создание в 2019 г. Центра устной истории и полевых исследований³. Принципиальное расширение предметного поля и дисциплинарных рамок прикладных и теоретических изысканий было обусловлено взаимной интервенцией истории и культурной антропологии. В ситуации, когда историков всё более интересуют «болезнь и смерть; секс, брак, конкубинат; рож-

дение, контрацепция и аборты; работа, свободное время <...> соотношение религии, науки и магии как моделей объяснения действительности <...> семья, род, община, нация, клан и раса; сила и значение ритуала» [13. С. 19], этнологи и фольклористы обращают внимание на исторические события, которые трактуются не с позиций официальной хронологии и идеологии, но с точки зрения человека как носителя определенной культурной модели восприятия мира. Таким образом, продуктивным методологическим принципом представляется «исторический разворот» культурной антропологии, когда научный инструментарий этнологии, полевой этнографии, этносемиотики и фольклористики (в тесной корреляции с современной историографией) будет задействован при анализе исторических реалий XX в. Среди приоритетных задач Центра на современном этапе не только дальнейшее развитие традиционных этнографических тем исследования, но и стимулирование новых направлений научного поиска в области устной истории, городского фольклора, военно-исторической антропологии, истории повседневности, культуры жизнеобеспечения и визуальной антропологии.

Примечания

¹ Многочисленные фальсификации в изданиях витебских и гомельских фольклористов детально разобраны в следующих рецензиях: [6; 10].

² Размещен в Интернете: <https://elib.psu.by/handle/123456789/755>.

³ Веб-страница Центра: <https://www.psu.by/be/universitet/398-tsentry/12820-tsentr-vusnaj-gistoryi-i-palyavykh-dasledavannyau>.

Литература

1. *Аусейчык У.Я.* Эвалюцыя пахавальна-памінальнай абраднасці беларусаў Падзвіння ў XX — пач. XXI ст.: Аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2013.
2. *Белова О.В.* Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 1–2 // Славяноведение. 2012. № 2. С. 109–112.
3. *Валодзіна Т.* Значны поспех беларускіх этнографіў і кразнаўцаў //

Беларускі гістарычны часопіс. 2008. № 1. С. 69–71.

4. *Захаркевіч С.А.* Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 2 // Российские и славянские исследования: Науч. сб. Вып. 6 / Редкол.: А.П. Сальков, О.А. Яновский и др. Минск, 2011. С. 317–319.

5. *Касцюкевіч С.У.* Семантыка і функцыі традыцыйных цацак беларусаў у XIX–XX стст.: Аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2004.

6. *Лобач У.* Аўтэнтны фальклор і прафесійная этыка фалькларыстаў // Беларускі фальклор: Матэрыялы і даследаванні: Зб. навук. прац. Вып. 2. Мінск, 2015. С. 503–508.

7. *Лобач У.А.* Да вынікаў археалагічна-этнаграфічнай экспедыцыі ў мястэчку Бачэйкава і яго ваколцах // Матэрыялы II Міжнар. канф. па праблемах музеіфікацыі ўнікальных гістарычных тэрыторый (14–16 кастрычніка 1996 г.) / Уклад. Т. Джумантаева. Полацк, 1996. С. 45–49.

8. *Лобач У.А.* Некаторыя вынікі этнаграфічных даследаванняў Беларускага Падзвіння (экспедыцыі ПДУ 1995–1997 гг.) // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: Матэрыялы III Міжнар. канф. / Уклад. Т. Джумантаева. Полацк, 1998. С. 160–164.

9. *Лобач У.А.* Уяўленні аб прасторы і часе ў традыцыйным светапоглядзе беларусаў (па этнаграфічных і фальклорных матэрыялах 19 — пач. 20 ст.): Аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2003.

10. *Петров Н.В.* The Wheat and the Chaff белорусской мифологии // Филологическая регионалистика. 2015. № 1–2. С. 68–72.

11. Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 1: Народная медыцына беларусаў Падзвіння: У 2 ч. / Склад. У.А. Лобач, У.С. Філіпенка. Наваполацк, 2006.

12. Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 2: Народная проза беларусаў Падзвіння: У 2 ч. / Уклад., прадм. і паказ. У.А. Лобача. Наваполацк, 2011.

13. *Стоун Л.* Будучыня гісторыі // Будучыня гісторыі: Зб. артыкулаў па сучаснай гістарыяграфіі / Склад. Г. Сагановіч. Мінск, 2008. С. 5–28.

14. Традиционный этнокультурный и языковой ландшафт Витебско-Псковского пограничья в конце XIX — начале XXI вв.: Библиографический указатель / Под общ. ред. Н.В. Большаковой. Псков, 2017.

Алеся Іосифовна Корсак,

канд. ист. наук, Полоцкий гос. ун-т (Республика Беларусь)

СОБЫТИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В УСТНОЙ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОГО ПОДВИНЬЯ

Центр устной истории и полевых исследований Полоцкого государственного университета на протяжении 20 лет активно проводит

на территории Белорусского Подвинья экспедиции по сбору фольклорного материала и устных воспоминаний. Источники по устной истории, в част-

ности свидетельствующие о событиях Великой Отечественной войны, активно вводятся сотрудниками Центра в научный оборот в формате не только отдельных публикаций [2; 3; 4; 5; 6; 7], но и сборников воспоминаний [1].

Какой бы эпохи ни касалась тема экспедиции, разговор с нашими собеседниками практически всегда сводится к Великой Отечественной войне. И это неслучайно: в Беларуси почти нет семьи, которую бы не затронула война.

К воспоминаниям очевидцев тех или иных событий можно относиться

по-разному. Устный источник в рамках исторического научного дискурса является второстепенным, но его ценность и значимость для объективного показа исторических событий не подлежит сомнению. Как и архивный документ, устный источник подлежит верификации. Известно, что на воспоминания влияют и социальное положение респондента, и его возраст, достаток, условия жизни и даже эмоциональное состояние. В итоге исследователь может фиксировать разное отношение респондентов к действительности.

Воспоминания очевидцев Великой Отечественной войны (особенно о партизанском движении и оккупации) разноплановы и противоречивы, как и сама война. В данном случае нужно быть осторожным в оценке взаимоотношений элементов триады «оккупационные власти — гражданское население — партизаны».

На основе материалов устной истории мы попытаемся показать, насколько неоднозначно респонденты интерпретируют события войны, особенно это касается взаимоотношений между оккупационными властями, партизанами и гражданским населением. Приводимые в статье полевые записи сделаны в двух районах Витебской области — Поставском и Россонском (в современных границах). Первый из них в предвоенное десятилетие находился сначала в составе Республики Польша; в ходе событий сентября 1939 г. западная часть Беларуси, включая Поставщину, вошла в состав Белорусской ССР (закон БССР от 14 ноября 1939 г.). Россонщина же практически с первых лет советской власти находилась под контролем СССР в составе различных административно-территориальных единиц (губерний, округов и областей). Эти обстоятельства определяют различия в мировоззрении жителей рассматриваемых районов и соответственно в воспоминаниях очевидцев и участников войны.

Не стоит забывать о том, что с начала нацистской оккупации значительная часть современной Беларуси входила в состав двух крупных административно-территориальных единиц — генерального округа Беларусь (нем. *Generalbezirk Weißruthenien*) с гражданской администрацией и зоны тыла группы армий «Центр» с военным управлением. Отметим, что на геноцид еврейского населения, масштабы карательных операций нацистов и развертывание партизанского движения этот фактор влиял мало; большее влияние на отношение местного населения к оккупационному режиму 1941–1944 гг. и партизанскому движению, на наш взгляд, имело долговременное разделение Беларуси на

восточную и западную в межвоенный период.

Взаимоотношения «оккупационные власти — гражданское население — партизаны» — одна из сложнейших тем в военно-исторической антропологии. Гражданское население оказалось не столько в условиях противостояния идеологий нацизма и большевизма (на уровне геополитики), сколько в положении заложника ситуации в условиях противостояния между оккупационными властями и партизанским движением (на уровне повседневной действительности). Следует учитывать и то, какую позицию занимало местное население по отношению к партизанам (оказание им помощи продуктами и одеждой, уход в ряды партизан либо полное неприятие партизан или нейтральное отношение к ним).

Взаимоотношения между нацистскими оккупационными властями и гражданским населением по-разному отражены в презентации событий 1941–1944 гг. жителями Поставского и Россонского районов. По сути, местное население было аполитично и озбочено лишь тем, как уберечь родных, накормить и одеть семью. Непосредственного контакта оккупационной власти в лице гебитскомиссара (нем. *Gebietskommissar*) с народом не было, все распоряжения транслировались через солтыса, войта или старосту как представителей гражданской власти (в зависимости от территории наши собеседники упоминали представителей низшего звена в нацистской оккупационной иерархии власти). Как резюмировала одна из респонденток, «каждому государству нужны начальнікі» [АЮЮ].

На Поставщине оценка лица, занимавшего соответствующую должность, зависела от его поведения по отношению к односельчанам: «...староста быў в дзэрэвне, не плахі. Плахога людзям не рабіў...» [АЮЮ]; «...солтыс быў наш, камайскі. К людзям харашо адносіўся...» [КВВ]; «...солтыс быў з Кавалёў, з людзьмі нічога. Выпіваў здрава. Прыйдзе, паставім яму, каб лепшы быў, калі на работу пашлець...» [КФБ]; «...войт быў. Нічога такі, не рабіў дрэннага...» [ПФМ]; «...староста наш быў, дзэравенскі. Харошы!» [СЛА]. Следует отметить, что занимать эту должность местные жители не особо желали: «...тата быў солтысам — партызаны прыйшлі, казалі, каб адмовіўся, тады сталі па чарзе...» [ТТК] (ср. также: «...быў солтус — баяліся быць, дык па нядзелях былі солтасамі...» [ГАИ], «...не адзін быў — мяняліся...» [ФВЛ]). Это было связано в первую очередь с действиями партизан в отношении этих людей: их объявляли пособниками нацистов,

и впоследствии партизаны применяли к ним высшую меру наказания.

На Россонщине система административно-территориального управления на уровне деревень на протяжении всего периода оккупации не функционировала по причине активности партизанского движения. Бургомистры волостных (сельских) управ исполняли свои обязанности на местах вплоть до 1942 г. В 1943–1944 гг. ситуация изменилась; бургомистры вместе со своими семьями уже не могли проживать в центре волостной (сельской) управы и контролировать ее территорию. Отношение к тем, кто имел желание быть старостой, как и к тем, кто уходил в полицаи, было крайне негативным. Наша собеседница вспоминала: «...бурмістр... партызаны як паявіліся, дык і забралі (...) бурмістра білі, але аджыў... хаваўся... а калі фронт прыйшоў, дык пайшоў у салдаты савецкія, і ваяваў за нас, і пагіб у Латвіі... во як» [ЛОИ]. Можно предположить, что герой приведенного выше текста, поняв, что совершил предательство, решил искупить его кровью. Однако мы не знаем, что побудило его занять должность бургомистра — собственное желание или задание партизан. Действительно, партизанская бригада могла дать жителю деревни подобное задание, о котором другая бригада при отсутствии налаженной межпартизанской связи могла не знать и, таким образом, несправедливо наказать его без суда и следствия. Очевидцы часто вспоминают о случаях несправедливого наказания старост партизанами (от избияния до расстрела). Не случайно респондентка отметила: «Білі, можа, каго і нада і не нада» [ЛОИ].

Помимо гражданской власти, на оккупированной территории существовал полицейский аппарат, который набирался из числа местных жителей. Особенностью Поставщины является то, что полицаи были представлены в основном литовскими коллаборационными военными формированиями, призванными осуществлять охрану железных дорог и мостов: «В Камаях былі літоўцы, стаялі ў школе, больш 100 чалавек у зяленай форме, немцы імі толькі рукавадзілі» [КВВ]. Но были и свои — местные: «Была чалавек дванадцать, з вескі — адзін, астатнія з акругі» [ААС]. Представителей военных формирований, осуществлявших в том числе полицейские функции, респонденты называли *паліцаі, міліцыя, салдаты*. К полицаям относились негативно («дажэ дзеці баяліся» [ААС]), особенно к эстонским коллаборантам: «...літоўскія салдаты тут больш нарабілі. Беларусаў не любілі. Вся ж міліцыя была літоўская...» [ЖБИ]; «...літоўцы самыя леп-

шья, ну нічога латышы, эстонцы — дрэнныя» [УЕИ].

На Россонщине до создания Россонско-Освейской партизанской зоны местные жители также привлекались в число полицаяв: «...тры Шчарбаки былі самыя заядлыя паліцаі са сваіх <...> [Полицай] указвалі на партызанскія сем'і, і іх патам расстрэльвалі <...> пасля вайны іх пазналі, аж у Ташкенце быў — збег. Людзі ў газэце прачыталі ці я там, і адна жанчына хацела ім вочы выдзерсці, калі судзілі...» [МАФ]. На вопрос, почему они пошли в полицай, собеседница ответила: «А як жа. Ім жа власць была дана ад немцаў» [МАФ].

Таким образом, на территории Западной Беларуси (Поставский район) к старостам как представителям оккупационной власти в своей деревне относились лояльно, их существование воспринималось скорее как некая необходимость в новых условиях военной реальности. При этом полицейских респонденты оценивают негативно, возможно, по причине их чуждости. В Россонском районе одинаково отрицательным было отношение и к руководству деревни или сельской управы, и к полицаям независимо от того, «свои» они или «чужие».

Взаимоотношения между гражданским населением и советскими партизанами в воспоминаниях жителей западной части Беларуси окрашены негативно. Разумеется, от оккупационных властей ничего хорошего не ждали, но складывается впечатление, что и к партизанам на Поставщине относились как к врагам, хотя и «своим»: «Днем баяліся немцаў, а ноччу — партызан» [ВЛА]. В ряды партизан местное население вливалось неохотно: «...маладзёж хавалася, партызаны іх хваталі на танцах, бо самі не ішлі. Забіралі...» [ВЛА]. Нежелание молодежи идти в партизаны было обусловлено тем, что партизанское движение на территории Поставского района не было столь масштабным, как, например, в пограничных с ним Мядельском или Браславском районах. Кроме того, отношение к партизанам в Поставском районе можно объяснить тем, что здесь действовал партизанский отряд Маркова, которого местные жители, мягко говоря, недолюбливали, поскольку в качестве мести за действия партизан под руководством Маркова нацистские оккупанты расстреляли местных мирных жителей: «Это Маркаў панадзелаў дзялоў. Парцізаны забілі немца Бэка, дык у засценку сем чалавек за гэта забілі [немцы] з дзярэўні» [ЖБИ].

Россонщина в этом отношении резко отличается. В 1942 г. была создана Россонско-Освейская партизанская зона, на территории которой действовали различные партизанские отряды

и бригады, в том числе из Калининской области. «Чужих», «пришлых» партизан местные жители не особо жаловали, поскольку те отбирали у них последнее: «...парцізаны тожэ былі плахія некатарыя, забіралі адзенне... адзялка майго рабёнка забралі, прасіла: "Киньце!" Калінінскія парцізаны былі, не нашы» [БЕК]. Однако в целом в Россонском районе местные жители помогали партизанам («...а як памагалі парцізанам і хлебам і мясам, хто чым мог <...> Яны памагалі, далі каня... пры гэтым змянілі нашага плахаватага каня, далі ўзмен добрага» [КФФ]), пополняли их ряды («з кожнай дзярэўні па дзесяць чалавек, толькі начальства чужое, а парцізаны ўсе свае» [КФФ]). Описывая насилие со стороны немцев по отношению к партизанам, респонденты употребляют эмоциональные междометия, указывающие на сопереживание: «...дзяньком два парцізаны прайшлі, немцы следам і пайшлі, немцы здзекваліся над гэтым парцізанам і вушы паатразалі... Ай... ай...» [БЕК]). Ни один из опрошенных в экспедиции 2019 г. очевидцев не высказывал в отношении «своих» партизан негативной оценки, что отражает специфику Россонского района.

Общим мотивом в воспоминаниях жителей и Поставщины, и Россонщины был страх перед немецкими оккупационными властями. В то же время принятие или непринятие партизанского движения обусловлено локальными особенностями. До войны условия жизни в западной части Беларуси (в частности, в Поставском районе) были иными, нежели в восточной ее части (включая Россонский район), где чувство собственности заменялось коллективизмом. Соответственно, жители Поставщины не проявляли активности вступления в ряды советских партизан.

Литература

1. Великая Отечественная война в зеркале народной речи и фольклора: Тексты. Исследования. Аудиоприложение / Под общ. ред. Н. В. Большаковой; Сост. Н. В. Большакова и др. Псков, 2016.
2. Гребень Е., Корсак А. Восприятие военной действительности населением Западной Беларуси (по материалам полевых исследований) // *Vesture: avoti un silvēki: XXII* / Red. L. Saleniece. Daugavpils, 2019. S. 45–57.
3. Корсак А. И. Становишча насельніцтва Лепельшчыны ва ўмовах нацысцкай акупацыі (1941–1944 гг.) (па матэрыялах этнаграфічных экспедыцый УА «Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт») // *Лепельскія чытанні: Матэрыялы VI навук.-практ. канф. (Лепель, 17–18 кастр. 2014 г.)* / Рэдкал.: Я. А. Грэбень, А. У. Стэльмах. Мінск, 2014. С. 155–160.
4. Корсак А. И. Отношение горожан Полоцка к «новому порядку» в усло-

виях установления нацистской оккупации (1941 г.) в воспоминаниях его жителей // *Беларускае Падзвінне: вопыт, методика і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: 36. навук. арт. II міжнар. навук. канф., Полацк, 17–18 красав. 2014 г.: У 2 ч. Ч. 2 / Пад агульн. рэд. Д. У. Дука, У. А. Лобача, С. А. Шыдлоўскага. Наваполацк, 2014. С. 100–104.*

5. Корсак А. И. «...Бярозка, уставай, ідзі...» // *Вялікая Айчынная вайна ў нашых лёсах: Біяграфічны даведнік / Склад. Т. А. Грудніцкая. Наваполацк, 2010. С. 128–133.*

6. Корсак А. Немецкая оккупация 1941–1944 гг. в воспоминаниях жителей белорусско-русского пограничья // *Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: Сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф., Пинск 21–22 окт. 2016 г. / Под ред. Р. Б. Гагуа. Пинск, 2016. С. 198–204.*

7. Лобач У. А. 1941 год вачыма дзяцей і падлеткаў Віцебшчыны: антрапалагічны дыскус ваеннай гісторыі // *Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А: Гуманитарные науки. 2020. № 9. С. 88–97.*

Список информантов

- ААС — Альфер А. С., 1929 г.р., д. Груздово Поставского р-на, 2017 г.
 АЮЮ — Альфер Ю. Ю., 1932 г.р., д. Груздово Поставского р-на, 2017 г.
 БЕК — Бондарева Е. К., 1922 г.р., д. Великое Болото Россонского р-на, 2017 г.
 ВЛА — Василевская Л. А., 1929 г.р., д. Ляховщина Поставского р-на, 2017 г.
 ГАИ — Головки А. И., 1935 г.р., д. Миськи Поставского р-на, 2017 г.
 ЖБИ — Журомский Б. И., 1931 г.р., д. Попелики Поставского р-на, 2017 г.
 КВВ — Каркоз В. В., 1928 г.р., д. Камаи Поставского р-на, 2017 г.
 КФБ — Койро Ф. Б., 1927 г.р., д. Ковали Поставского р-на, 2017 г.
 КФФ — Кондатов Ф. Ф., 1928 г.р., д. Янковичи Россонского р-на, 2019 г.
 ЛОИ — Лебедева О. И., 1927 г.р., д. Шалашники Россонского р-на, 2019 г.
 МАФ — Минькова А. Ф., 1928 г.р., д. Павлово Россонского р-на, 2019 г.
 ПФМ — Петровская Ф. М., 1927 г.р., д. Свирдуны Поставского р-на, 2017 г.
 СЛА — Сакович Л. А., 1923 г.р., д. Сорочи Поставского р-на, 2017 г.
 ТТК — Теляк Т. К., 1924 г.р., д. Теляки Поставского р-на, 2017 г.
 УЕИ — Урбанович Е. И., 1920 г.р., гор. пос. Лынтупы Поставского р-на, 2017 г.
 ФВЛ — Федорович В. Л., 1932 г.р., д. Попелики Поставского р-на, 2017 г.

Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ — РФФИ в рамках проекта № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941–1944 гг.».